

Лесса Каури

СКАЗКИ ТИКРЕЙСКОЙ ЗЕМЛИ

книга третья

ЗОЛУШКИ НАШЕГО ДВОРА

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
К30

Каури, Л.

К30 Золушки нашего двора / Л. Каури. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 384 с. — (Сказки Тикрейской земли).

Книга третья серии «Сказки Тикрейской земли». Брунгильда Рафарин — Матушка Бруни — владелица трактира в Квартале Мастеровых, в одночасье становится невестой Его Высочества принца Аркея и богатейшей женщиной страны. Как остаться самой собой? Смотреть на того, кого любишь, и ощущать его тепло и поддержку! Как не потеряться в коридорах замка Ласурингов? Приобрести друзей из числа его постоянных обитателей! Как найти своё место в мире? Да ты уже нашла его! Твоё место рядом с ним, с тем, кто когда-нибудь станет королём Ласурии. И тогда тебя, как и другую девушку, попавшую в подобную ситуацию, станут называть «Ваше Величество». Вот только той повезло не так, как тебе! Рейвин Моринг любила и была любима, но злодейка-судьба развела влюблённых, обручив её с Его Величеством Редьярдом Третьим, а Атрона рю Воронна отправив в пекло пожирающей изнутри ненависти...

Загадки прошлого и морские приключения, истории любви такой разной — страстной, верной, доброй и злой, собственнической и жертвенной собраны в этой книге, которая написана ради того, чтобы люди задумались о своём прошлом. Об ошибках и о том, как их можно исправить.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-91165-3

© Лесса Каури, текст, 2022
© Палитра Ваших Фантазий,
иллюстрация на обложке, 2022
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Брунгильда Рафарин, владелица трактира «У Матушки Бруни», едва сдержала вскрик. Будто вынырнула из-под толщи воды для первого глотка воздуха или проснулась от тяжкого кошмара, чтобы... ощутить себя не в реальности, а в её новом ватном слое, полном девиц в разноцветных платьях, громко щебечущих, тебелящих её и отчего-то похожих на монпансье, выпавшее из коробки.

— Поднимите руки, госпожа, мы снимем эти тряпки...

— Переступите через платье!

— Госпожа, купальня в той стороне, куда вы пошли?

— Пресвятые тапочки, какая непонятливая!..

— Красивые волосы у будущей принцессы, густые, тёмные!

— Девочки, это прекрасно — не придётся мучиться со шпильками и шиньонами!

— Идите за нами!

В мгновение ока Бруни оказалась раздета донага и отведена в купальню, где стояла огромных размеров ванная на позолоченных львиных лапах.

Чужие руки тёрли ей спину, ерошили волосы, намазывая их по всей длине каким-то резко пахнущим средством. От ванны поднимались клубы пара, по лицу тёк

пот, было душно, нервно, злобно. Если действительно существовала Аркаешева преисподняя, то выглядела она именно так!

— Бруни, — раздался от двери родной голос, — наконец-то я тебя нашёл! А ну-ка, все вышли отсюда!

«Монпансье» дружно сделали книксен и исчезли в мгновение ока, сопровождаемые жаркими шепотками.

— Кай! — чуть не плача, Матушка рванулась к нему из купальни, позабыв о том, что не одета, о забрызганном водой, скользком поле.

Принц подхватил её на руки, смеясь и целуя в полные ужаса глаза.

— Бедная моя девочка, напугали они тебя, да?

Бруни мелко закивала.

— Не бойся их! Они остры на язык и бестолковы, но ни один дворец не обходится без целой армии фрейлин, горничных и служанок разного пошиба! Ты позволишь мне принять ванну вместе с тобой?

Когда Кай был рядом, Бруни согласилась бы на что угодно, лишь бы никуда не отпускать его от себя. В этом чужом и огромном замке он оказывался единственным островком родного мира, оставшегося за суровыми стенами.

Принц разделся и залез к ней. Как ни растеряна Матушка была случившимся этим утром, как ни испугана последующим вмешательством в её личную жизнь чужих людей, рук, голосов, вмешательством, унижавшим ее, — тоска по любимому перекрыла всё, заставив её беззастенчиво приникнуть к его сильно исхудавшему

телу. Она даже застонала от жалости, оглаживая жадными ладошками его впалый живот.

— Милая, — засмеялся Кай, целуя её в глаза и губы, — это всё мясо, которое нарастёт! Будешь готовить мне свои замечательные омлеты и булочки — и я быстро поправлюсь и стану выглядеть, как мастер Пип!

Бруни невольно рассмеялась. Представить Кая растолстевшим было решительно невозможно, так же, как его отца. Его Величество Редъярд в свои годы набрал совсем немного лишнего веса, просто заматерел, отяжелел костяком, отчего казался огромным. Но толстым назвать его язык повернулся бы разве только у шута, да и то, более в профилактических целях, нежели всерьёз!

Прижав любимую к себе, прикрыв глаза от наслаждения, принц гладил её гладкую кожу и целовал, не торопясь... Да, он скучал, желал её с силой и страстью той части темперамента, что досталась ему от отца. Но другая, материнская, удерживала порыв, заставляя не торопить мгновения наедине. Мгновения, которых у будущего короля могло быть не очень много.

— Мы всю воду расплескаем... — смутилась Бруни.

— Пусть тебя это больше не заботит, — улыбнулся Кай, — чистота полов, окон, белья... У принцесс другие заботы!

— Готовить... принцу... омлеты?... — уже задыхаясь от страсти, простонала Матушка.

Аркей накрыл своими губами её губы, не давая ответа.

После они лежали в ванной и тихо разговаривали до тех пор, пока вода окончательно не остыла. Бруни рассказывала о том, как тянулось без него время, как

однажды на подоконник в её комнате пал белый ответ юного снега, и она поняла, что он, Кай, вернулся. Как решила, что больше ему не нужна... Принц слушал молча, внимательно, как, наверное, умел слушать только он. Лишь иногда целовал её, лежащую спиной на его груди, в макушку, в ухо и в висок — куда удавалось дотянуться. Она не сказала ни слова о проклятье и о том, как пыталась найти от него средство, но отчего-то ей казалось, будто Кай и так знает об этом. Когда она замолчала, заговорил он. Поведал об инспекции пограничных гарнизонов, о своём возвращении во дворец и разговоре с отцом. О времени, проведённом впроголодь в холодной темнице, полной крыс. Нет, он не жаловался — странно было бы представить Его Высочество Аркея, требующего жалости к себе. Говорил равнодушно: просто констатировал факты.

— Не сердись на отца, прошу тебя, — в заключение сказал он. — Он не дал бы согласия на брак, если бы не убедился в искренности наших чувств!

— Я не сержусь, — Бруни повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо, — наверное, я всё понимаю... но пока страх потерять тебя жив в моей душе, я не смогу быть... милой с ним. Прости меня за это!

— Ну как ты можешь быть не милой, родная? — рассмеялся Аркей и крутанул бронзовый вентиль крана с горячей водой. — Сейчас мы приведём себя в порядок и вновь окажемся на людях. Ты готова?

— Только не оставляй меня одну! — взмолилась Матушка.

— Нет, — серьёзно покачал головой Кай. — Ни за что! Никогда! Но учти, родная, у меня обычно дни проходят

ужасно неинтересно. Если ты хочешь постоянно быть рядом — скоро заскучаешь, уверен!

— Не попробую — не узнаю! — улыбнулась Бруни и взяла с каменного блюда на краю ванной шикарную морскую губку. — Давай, я потру тебе спинку, мой скучный государственный деятель! А потом стисну зубы и перестану бояться выйти отсюда! Только... только обещай мне, что поможешь одеться? Я видела платье, которое девушки приготовили... Сама я с ним не справлюсь!

— Боюсь, я с ним тоже не справлюсь! — покраснел Кай. — Ну да ладно, что-нибудь придумаем!

После мытья принц поставил Бруни, закутанную в огромное полотенце и оттого напоминающую статую, в центр комнаты и оделся сам. А затем задумчиво обошёл возлюбленную, кидая взоры то на неё, то на предметы женского туалета, разложенные на специальном столике.

В дверь деликатно постучали, когда он уже готов был сдаться и позвать кого-нибудь из служанок.

— Кто там? — испуганно воскликнула Матушка. В полотенце было тепло, уютно и вылезать из него ради одевания цвета чёрной смородины, украшенного белыми, на вид жёсткими и острыми кружевами, совсем не хотелось.

— Это Туссиана Сузон, госпожа, — раздался знакомый голос, — первая горничная герцогини Агнуши рю Филонель. Её Светлость прислала меня помочь вам с костюмом и причёской, справедливо полагая, что от спешно приставленной к вам прислуги толку не будет.

— Слава Индари! — выдохнул Аркей, распахивая дверь перед Туссианой. — Передайте герцогине мою благодарность! Бруни, я буду ждать за дверью, хорошо?

Матушка кивнула и с болью посмотрела на закрывшиеся за ним двери. Каждый его уход отзывался в сердце страхом.

— Добрых улыбок и тёплых объятий, моя дорогая! — приветствовала её Сузон, внимательно разглядывая. — Вы позволите мне помочь вам одеться? Придворные наряды, к сожалению, созданы для того, чтобы сильно усложнить нам, слугам, жизнь!

Бруни с изумлением посмотрела на неё и улыбнулась, когда поняла, что это была шутка.

— Помогите, госпожа Сузон! — попросила она.

— Я прошу звать меня просто по имени, — подняла брови горничная, выбирая из разложенной одежды расшитые кружевами панталончики, — прошли те времена, когда я была для вас госпожой, Брунгильда! Отныне вы госпожа для всех, кроме, может быть, Его Величества и Их Высочеств!

— Мне пока сложно в это поверить... — пробормотала Бруни, пока ловкие руки горничной разматывали на ней полотенце.

— Прекрасно понимаю вас, — кивнула Туссиана, подавая ей первый, интимный, предмет туалета. Тот самый, в кружевах. — Но придётся привыкать! Деваться-то некуда!

— Точно! — вздохнула Матушка и посмотрела на собеседницу с благодарностью.

Спокойное поведение Туссианы, привычка называть вещи своими именами и отсутствие подобостра-

ствия и наглости — тех самых черт, что она наблюдала у «монпансье», — оказывали на Бруни благоприятное действие.

Спустя полчаса она была одета. Строгое платье заставляло вспомнить виденную однажды в их квартале даму-благотворительницу (из тех, что жертвовали деньги на Храмовые школы и детские приюты). Однако горничная благосклонно кивнула, из чего Матушка сделала вывод, что платье ей к лицу.

— Мне кажется, вам не стоит носить вычурные причёски, — заметила Туссиана, усаживая подопечную в кресло перед широким зеркалом. — Я сделаю простой пучок, украшу его парой шпилек со стразами и выпущу пряди — здесь и здесь. С одной стороны, такая причёска подойдёт по стилю к платью, с другой — не будет бросаться в глаза и выдавать вас не за ту, кем вы являетесь.

Бруни поймала её ладонь и, на мгновение задержав в своей, сказала:

— Благодарю вас, Туссиана, за помощь! От всего сердца!

Горничная, кажется, смутилась, что было для неё не свойственно. Сочувственно похлопала Бруни по руке и занялась причёской.

Когда Матушка, наконец, вышла из комнаты, Кай стоял у окна. Судя по всему, он успел переодеться: из-под рукавов и ворота нового полковничьего мундира выглядывали белоснежные кружева рубашки, а начищенные сапоги блестели.

Обернувшись, принц посмотрел на Бруни и улыбнулся одними глазами. Сердце Матушки зашло в слад-

кой неге — так безмолвно признаваться в любви и восхищении мог только он, её Кай!

Коротко кивнув вышедшей следом Туссиане, принц подал суженой руку.

— Идём, родная! Отец сейчас обсуждает со свадебным распорядителем предстоящую церемонию, в которую из-за нас с тобой внесли изменения. Надо бы присутствовать!

Рядом с ним Матушку охватывало странное ощущение нереальности происходящего. Разве это она, похожая на знатную даму, идёт по коридорам, устланным коврами с традиционным ласурским орнаментом? Разве это ей кланяются все встречные, а гвардейцы, охраняющие двери, берут «на караул»? Но разве за руку её держит не тот человек, с которым она простилась навсегда, а потом обрела снова и опять готова была потерять? Спокойствие спутника поневоле передавалось и ей. Аркей сотни и тысячи раз ходил этими коридорами, не замечая кланявшихся придворных — принц просто не обращал внимания на то, на что не считал нужным тратить собственное время. Матушка ощущала успокаивающее пожатие его пальцев, и каждый раз это затапливало сердце горячей радостью!

В богато обставленной комнате они застали Его Величество Редьярда Третьего, королевского секретаря — немолодого человека очень приятной наружности, распорядителя свадеб — мастера Горни Горина, герцога Фигли Ориша — брата королевы Орхиданы и поверенного в делах её дочери, принцессы Ориданы. Она тоже была здесь — улыбалась, как игрушечная кукла, и молчала. Бруни с некоторой долей зависти отметила её из-